

EXTRACT FROM
OXFORD SLAVONIC PAPERS

VOLUME V

Сонеты

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ЯВНАЯ ТАЙНА

Весь исходив свой лабиринт душевный,
Увидел я по-прежнему светло
Плывущий в небе Солнца челн полдневный
И звездное Урании чело.

И пожелал я вспомнить лад напевный
И славить мир. Но сердце берегло
Свой талисман, мне вверенный царевой,
Дар Ариаднин: Имя и Число.

И как таят невесту под фатою,
Загадочной сокрыл я красотою
Под ризой ночи светоносный стих,

Пока детей играющих не встретил,
Поющих звонко славу тайн моих:
С тех пор пою, как дети, прост и светел.

СОН

Как музыка, был сон мой многозвучен
 И многочувствен, и как жизнь — печален.
 Плыл челн души вдоль ведомых излучин;
 У пристаней, у давних, ждал, причален.

С тобой опять я, мнилось, неразлучен —
 И горькой вновь разлукою ужален;
 Я слезы лил, бывлой тоской размучен, —
 Твой гаснул взор, умилен и прощален.

Вторая жизнь, богаче и жесточе
 Старинной яви, прожитой беспечно,
 Мерцала в мути сонного зеркала.

И, пробудясь, я понял: время стало;
 Ничто не прейдет; все, что было, вечно
 Содержит дух в родимых недрах Ночи.

ПОРОГ СОЗНАНИЯ

Эмилию Метнеру.

Пытливый ум, подобно маяку,
 Пустынное обводит оком море
 Ночной души, поющей в слитном хоре
 Бесплодную разлук своих тоску.

Недостижим горящему зрачку
 Глухой предел на зыблемом просторе,
 Откуда, сил в междоусобном споре,
 Валы бегут к рубежному песку.

А с высоты — туманный луч ласкает
 И отмели лоснимую постель,
 И мятежей стихийных колыбель.

Так свет иной, чем разум, проникает
 За окаем сознанья и в купель
 Безбрежную свой невод опускает.

НАГ ВОЗВРАЩУСЬ

Наг вышел я из чрева
матери моей и наг возвращусь.

Иов, I, 21.

Не хотим совлечься, но облечься.

II Коринф., V, 4.

Здесь нет ни страха, ни надежд, ни цели,
Ни жалобы, ни радости, ни смуты:
Развязаны живых волокон путы,
И замерли долинны свирели.

Здесь нет могилы, нет и колыбели,
И нет урочища, и нет минуты:
Попутным ветром паруса надуты
Над синим морем без Сирен и мели.

О, плаванье, подобное покою,
И кругозор из глуби сферы полой!
Твоя ли, Вечность, взморье то, и всполье?

Пред очесами тихими какою
Одеждою прикрою стыд мой голый?
Душевное, замглись мне, подневолье!

ВНУТРЕННЕЕ НЕБО

За сферою горящей Серафима
(О, Человек, когда б в себя ты вник
И целостным узрел свой вечный лик!) —
Есть скиния с ковчегом Элоима.

Что в мареве сквозит земного дыма,
Что Женственным в явлении привык
Именоват младенческий язык, —
В раю души — лазурь и ночь Солима.

Когда бы ты почил в голубизне
Того шатра, увидел бы во сне
Сидящего средь Града на престоле.

Слепительный не ослепил бы день
Твоих очей, и не смутила боле
Мысль: «Он — я сам!» Ты был бы — ночь и сень.

ПАМЯТИ СКРЯБИНА

I

Осиротела Музыка. И с ней
 Поэзия, сестра, осиротела.
 Потух цветок волшебный, у предела
 Их смежных царств, и пала ночь темней

На взморие, где новозданных дней
 Всплывал ковчег таинственный. Истлела
 От тонких молний духа риза тела,
 Отдав огонь Источнику огней.

Исторг ли Рок, орлицей зоркой рея,
 У дерзкого святыню Прометея?
 Иль персть опламенил язык небес?

Кто скажет: побежден иль победитель,
 По ком, — немея кладбищем чудес, —
 Шептаньем лавров плачет Муз обитель?

2

Он был из тех певцов (таков-же был Новалис),
 Что видят в снах себя наследниками лир,
 Которым на заре веков повиновались
 Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир.

Но между тем как все потомки признавались,
 Что поздними гостями вошли на брачный пир, —
 Заклятья древние, казалось, узнавались
 Им, им одним опять — и колебали мир.

Так! Все мы помнили — но волил он, и деял.
 Как зодчий гайн, Хирам, он гайнство посеял,
 И Море Медное отлил среди двора.

«Не медли!» — звал он Рок; и зову Рок ответил.
 «Явись!» — молил Сестру — и вот, пришла Сестра.
 Таким свидетельством пророка Дух отметил.

НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

Юрию Верховскому.

Мечты ли власть иль тайный строй сердечный,
Созвучье молчаливое певцов,
Иль нежный серп над белизной зубцов
И встречный звон, и луч заката встречный,

И рдеющий убор многовенечный
Церквей и башен, или дух отцов
Двоих путеводили пришлецов
На кладбище обители приречной, —

Но вечер тот в душе запечатлен.
Плыл, паруса развев, ковчегом новым
Храм облачный над спящим Соловьевым;

А за скитом, в ограде внешних стен,
Как вознесенный жертвенник, молила
О мире в небе Скрыбина могила.

ПАРИЖ

Е. С. Кругликовой.

Fluctuat nec mergitur.

Надпись на гербе Парижа.

I

Обуреваемый Париж! Сколь ты священ,
Тот видит в облаке, чей дух благоговееет
Пред жертвенниками, на коих пламенеет
И плавится Адам в горниле перемен.

То, как иворий, бел, — то черен, как эбен, —
Над купиной твоей гигантский призрак реет.
Он числит, борется, святыни, чары деет . . .
Людовик, Юлиан, Картезий, Сэн-Жермэн —

О, сколько вечных лиц в одном лице блистает
Мгновенной молнией! — Молэ, Паскаль, Бальзак . . .
И вдруг Химерою всклубится смольный мрак,

И демон мыслящий звездой затменной тает:
Крутится буйственней, чем вавилонский столп,
Безумный легион, как дым, безликих толп.

Кто б ни был ты в миру, — пугливый ли отшельник,
Ревнивец тайных дум, спесивый ли чудак,
Алхимик, некромант, или иной маньяк,
Пророк осмеянный, непризнанный свирельник, —

Перед прыжком с моста в толпе ль снуешь, бездельник,
Бежишь ли, нелюдим, на царственный чердак, —
Мелькнет невдалеке и даст собрату знак
Такой же, как и ты, Лютеции насельник.

Всечеловеческий Париж! В тебе я сам
Таил свою любовь, таил свои созданья,
Но знал консьерж мой час стыдливого свиданья;

В мансарде взор стремил сосед мой к небесам;
Двойник мой в сумерках капеллы, мне заветной,
Молился пред моей Мадонной неприметной.

ЯЗЫК

Родная речь певцу земля родная:
В ней предков неразменный клад лежит,
И нашептом дубравным ворожит
Внушенных небом песен мать земная.

Как было древле, — глубь заповедная
Зачатий ждет, и дух над ней кружит . . .
И сила недр, полна, в лозе бежит,
Словесных гроздий сладость наливная.

Прославленная, светится, звеня
С отгулом сфер, звучащих издалеца,
Стихия светом умного огня.

И вещей гимн, их свадебная встреча;
Как уголь, в алмаз замкнувший солнце дня, —
Творенья духоносного предтеча.

ЗИМНИЕ СОНЕТЫ

I

Скрипят полозья. Светел мертвый снег.
Волшебнo лес торжественный заснежен.
Лебяжьим пухом свод небес омержен.
Быстрей оленя туч подлунных бег.

Чу, колокол поет про дальний брег...
А сон полей безвестен и безбрежен...
Неслежен путь, и жребий неизбежен:
Святая ночь, где мне сулишь ночлег?

И вижу я, как в зеркале гадальном,
Мою семью в убежище недальном,
В медвяном свете праздничных огней.

И сердце, тайной близостью томимо,
Ждет искорки средь бора. Но саней
Прямой полет стремится мимо, мимо.

II

Незримый вождь глухих моих дорог,
Я подолгу тобою испытуюем
В чистилищах глубоких, чей порог
Мы жребием распутья именуем.

И гордости гасимой вот итог:
В узилищах с немилым я связуем,
Пока к тому, кого любить не мог,
Не подойду с прощеным поцелуем.

Так я бежал суровья зимы:
Полуденных лобзаний сладострастник,
Я праздновал с Природой вечный праздник.

Но кладбище сугробов, облак тьмы
И реквием метели ледовитой
Со мной сроднил наставник мой сердитый.

III

Зима души. Косым издалека
 Ее лучом живое солнце греет,
 Она ж в немых сугробах цепенеет,
 И ей поет метелицей тоска.

Охапку дров свалив у камелька,
 Вари пшено, и час тебе довлеет;
 Потом усни, как все дремой коснеет . . .
 Ах, вечности могила глубока!

Оледенел ключ влаги животворной,
 Застыл родник текучего огня:
 О, не ищи под саваном меня!

Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный,
 Я ж истинный, плотскому изменяя,
 Творю вдали свой храм нерукотворный.

IV

Преполовилась темная зима.
 Солнцеворот, что женщины раденьем
 На высотах встречали, долгим бденьем
 Я праздную. Бежит очей дрема.

В лес лавровый холодная тюрьма
 Преобразилась Музы нисхожденьем;
 Он зыблется меж явью и виденьем,
 И в нем стоит небесная сама.

«Неверный!» слышу амброзийный шепот:
 «Слагался ль в песнь твой малодушный ропот?
 Ты остовом ветвистым шелестел.

С останками листвы сухой и бурой,
 Как дуб под снегом; ветер в кустах свистел;
 А я в звездах звала твой взгляд понурый».

V

Рыскучий волхв, вор лютый, серый волк,
Тебе во славу стих слагаю зимний!
Голодный слышу вой. Гостеприимней
Ко мне земля, людской добрее толк.

Ты ж ненавидим. Знает рабий долг
Хозяйский пес. Волшебней и взаимней,
Дельфийский зверь, пророкам Полигимний
Ты свой, доколь их голос не умолк.

Близ мест, где челн души с безвестных взморий
Причалил, и судьбам я вверен был,
Стоит на страже волчий вождь, Егорий.

Протяжно там твой полк, шамана, выл;
И с детства мне понятен зов унылый
Бездомного огня в степи застылой.

VI

Ночь новолунья. А мороз, лютей
Медведицы, певцу надежд ответил,
Что стуж ущерб он с Музой рано встретил,
Беспечных легковернее детей.

Не сиротеет вера без вестей;
Немолчным дух обетованьем светел,
И в час ночной, чу, возглашает петел
Весну, всех весен краше и святей.

Звук оный трубный, тот, что отворяет
Последние затворы зимних врат,
Твой хриплый гимн, вождь утра, предваряет.

И, полночь пережившее утрат,
Биеньем тайным сердце ускоряет
Любимых на лицо земли возврат.

VII

Как месячно и бело на дорогах,
 Что смертной тенью мерит мой двойник,
 Меж тем как сам я, тайный ученик,
 Дивясь, брожу в Изидиных чертогах.

И мнится, здешний я лежу на дрогах,
 Уставя к небу мертвый, острый лик:
 И черных копей водит проводник
 Пустынных гор в оснеженных отрогах.

И, движась рядом, поезд теневой
 По белизне проходит снеговой;
 Не вычерчен из мрака лишь вожатый,

Как будто, сквозь него струясь, луна
 Лучи слила с зарею розоватой,
 И правит путь Пресветлая Жена.

VIII

Худую кровлю треплет ветер, и гулок
 Железа лязг и стон из полутьмы.
 Пустырь окрест под пеленой зимы,
 И кладбище сугробов переулок.

Час неурочный полночь для прогулок
 По городу, где, мнится, дух чумы
 Прошел, и жизнь пустой своей тюрьмы
 В потайный схоронилась закоулок.

До хижины я ноги доволок,
 Сквозь утлые чьи стены дует вьюга,
 Но где укрыт от стужи уголок.

Тепло в черте магического круга;
 На очаге клокочет котелок,
 И светит Агни, как улыбка друга.

IX

Твое именованье — Сиротство,
Зима, Зима! Твой скорбный строй — унылость.
Удел — богов глухонемых немилость.
Твой лик — с устами сжатыми вдовство.

Там, в вышних ночи, славы торжество,
Превыспренних бесплотных легкокрылость.
Безвестье тут, беспамятство, застылость, —
А в недрах — Солнца, Солнца рождество!

Меж пальцев алавастровых лампада
Психеи зябкой теплется едва.
Алмазами играет синева.

Грозь, висит хрустальная громада.
Под кров спасайся, где трещат дрова,
Жизнь темная, от звездных копий хлада!

X

Бездомных, Боже приюти! Нора
Потребна земнородным, и берлога
Глубокая. В тепло глухого лога
И зверя гонит зимняя пора.

Не гордых сил привольная игра, —
За огонек востепленный тревога
В себе и в милом ближнем — столь убога
Жизнь и любовь. Но все душа бодрa.

Согрето тело пламенем крылатым,
Руном одето мягким и косматым,
В зверином лике весел человек, —

Скользит на лыжах, правит бег олений.
Кто искру высек, — сам себя рассек
На плоть и дух — два мира вожделений.

XI

Далече ухнет в поле ветр ночной
 И теплым вихрем, буйный, налетает:
 Не с островов ли гость, где обитает
 На запад солнца взятых сонм родной?

Довременной бушует он весной,
 Острог зимы в его дыханьи гает.
 И стóрожким копытом конь пытается
 На тонкой переправе лед речной.

Февральския плывут в созвездьях Рыбы,
 Могильные лучом пронзают глыбы,
 Волнуют притяженьем область душ.

Закон их своенравен, свычай шалый:
 Вчера все стыло в злобе лютых стуж, —
 Синее в пятнах дол наутро тальи.

XII

То жизнь — иль сон предутренний, когда
 Свежеет воздух, остужая ложе,
 Озноб крылатый крадется по коже
 И строит сновиденье царство льда?

Обманчива явлений череда:
 Где морок, где существенность, о Боже?
 И явь и греза — не одно ль и то же?
 Ты — бытие; но нет к Тебе следа.

Любовь — не призрак лживый: верю, чаю!..
 Но и в мечтанье сонном я люблю,
 Дрожу за милых, стражду, жду, встречаю...

В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю,
 Стучусь в гроба и мертвых тороплю,
 Пока себя в гробу не примечаю.

DE PROFUNDIS AMAVI

I

О сновиденье жизни, долгий морок
К чему ты примечталось? И к чему
Я ближнему примнился моему?
К добру ли? К лиху ль? Расточися, ворог!

Воскресни Бог!.. Уже давно не дорог
Очам узор, хитро заткавший тьму.
Что ткач был я, в последний срок пойму;
Судье: «Ты прав» — скажу без оговорок.

Дремучей плоти голод и пожар
Духовный свет мне застил навождением,
Подобным куреву восточных чар.

Их ядовитый я вдыхал угар, —
Но жив любви во мрак мой нисхождением:
Любить из преисподней был мой дар.

II

Когда бы, волю Отчую боря,
Я не ушел, любовью обаянный
К душе, Творцом в творенье изливающей,
За ней скитаться без поводыря:

О блудном сыне притчу повторя
И болью нег, и скорбью покаянной,
Над разрушеньем персти изваянной
Я не рыдал бы, тварь боготворя...

О жизни сон, болезненный и бредный!
Приснись ты вновь, — я сердце бы замкнул,
Как царь-отец Данаю, в замок медный:

Чтоб милый взор в тайник не заглянул —
И пламень неба, свод расплавя, дивней
Свергался золотом безликих ливней.

III

Прилип огнем снедающий хитон;
 Кентавра кровь — как лавы ток по жилам
 Геракловым. Уж язвины могилам
 Подобятся. Деревья мечет он —

В костер . . . И вихрь багряных похорон
 Ползучий яд крылатым тушит пылом.
 Так золото очищено горнилом . . .
 Земной любви не тот же ли закон?

Сплетясь, — как дуб с омелой чужеядной, —
 Со Страстию глухонемой и жадной,
 Убийцу в ней вдруг узнает она.

Живая плоть бежит от плоти хладной,
 И надвое, что было плоть одна,
 Рассекла Смерть секирой беспощадной.

IV

Какие, месяц, юный жнец, дары
 Ты мне сулишь серпом, сверкнувшим справа?
 Персей ли ты, чья быстрая расправа
 Снесла наотмашь голову Мары?

Скоси мне жизнь, гонец благой поры!
 Дабы воскресла, целостна и здрава,
 Душа в тот мир, где страстная отрава
 Ее не тмила огненной игры.

Там, не томясь, блаженная любила;
 Змея-Вина беспечной той любви
 Не жалила, и Кара не губила.

Но смертью в теле, страстию в крови
 Прозябла персть. И долу, друг вечерний,
 Нет игл острее Любви диких терний!

V

Надежд нестройный хор, из голосов
Младенческих и старческих, из встречных
Желаний-однодневок и сердечных
Заветных умыслов, — как шум лесов

И в нем рогá и лай проворных псов, —
Доносится до крыши остроконечных
Той башни, где, меж камней вековечных,
Мне ощутимей листопад часов.

Там похоронной Вечности мерилом
Земные сроки мерить роковой
Курантов древних однозвучный бой.

Всечасно там учусь прощаться с милым:
Перст медленный свершит урочный круг, —
И молот по́ сердцу ударит вдруг.

VI

Когда б я жил в Капрейской голубой
Подводным озарением пещере,
Чье устье, верен вековечной мере,
То приоткроет, то замкнет прибой:

Умильною взмолилась бы мольбой,
Как ласточка, душа, виясь у двери,
К лазурным Нерейдам, чтобы в сфере
Иной лазури снова быть собой.

Так жизнь меня пленила, чаровница,
Крылатого. Крылам любви тесна
Небесных сводов синяя темница.

С главы стяхнуть я силюсь волны сна:
Любимая больного тихо будит
И жаркий лоб дыханьем тонким студит.

VII

О, сердце, — встарь гостеприимный стан,
 Шатер широкий на лугу цветистом,
 Огней веселье в сумраке душистом,
 Кочующий дурбар волшебных стран,

Где всех царевич, белый чей тюрбан
 Отличен непорочным аметистом,
 Приветствует нарцисса даром чистым
 И ласковою речью: «Друг, ты зван» —

Как ты любовь спасло? Увы, ты ныне
 В железном, крепко скованном тыну
 Затвор, подобный башенной твердыне.

С ее зубцов на пир у стен взгляну —
 И снова духом в Божией пустыне
 За тихими созвездьями тону.

VIII

Светило дня сияющей печатью
 Скрепляет в небе приговор судеб:
 И то, что колос было, стало хлеб;
 Законом то, что было благодатью.

И, Фебову послушное заклатью,
 Возможное, как тень, бежит в Эреб;
 Лишь нужное для роковых потреб
 Пощажено лучей копьистой ратью.

Но духу чужд, враждебен этот суд, —
 И крылья Памяти меня несут
 В край душ, вослед несбыточной Надежде.

Там обнимаю мертвую Любовь,
 И в части сердца, трепетные прежде,
 Лью жарких жил остаточную кровь.

IX

Из глубины Тебя любил я, Боже,
Сквозь бред земных пристрастий и страстей.
Меня томил Ты долго без вестей,
Но не был мне никто Тебя дороже.

Когда лобзал любимую, я ложе
С Тобой делил. Приветствуя гостей,
Тебя встречал. И чем Тебя святей
Я чтил, тем взор Твой в дух вперялся строже.

Так не ревнуй же! . . . . .
. . . . .
. . . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .

РИМСКИЕ СОНЕТЫ

I

Вновь арок древних верный пилигрим,
 В мой поздний час вечерним 'Ave Roma'
 Приветствую как свод родного дома,
 Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Мы Трою предков пламени дарим;
 Дробятся оси колесниц меж грома
 И фурий мирового ипподрома:
 Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал и восставал из пепла,
 И памятливая голубизна
 Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна,
 Твой вратарь кипарис, как Троя крепла,
 Когда лежала Троя сожжена.

II

Держа коней строптивых под-узды,
 Могучи пылом солнечной отваги
 И наготово олимпийской наги,
 Вперед ступили братья-близнецы.

Соратники Квиритов и гонцы
 С полей победы, у Ютурнской влаги,
 Неузнаны, явились (помнят саги)
 На стогнах Рима боги-пришлецы.

И в нем остались до скончины мира.
 И юношей огромных два кумира
 Не сдвинулись тысячелетья с мест.

И там стоят, где стали изначала —
 Шести холмам, синеющим окрест,
 Светить звездой с вершины Квиринала.

III

Пел Пиндар, лебедь: «Нет под солнцем блага
Воды милей». Бежит по жилам Рима,
Склоненьем акведуков с гор гонима,
Издравле родников счастливых влага.

То плещет звонко в кладязь саркофага;
То бьет в лазурь столбом и вдаль, дробима,
Прохладу зыблет; то, неукротима,
Потоки рушит с мраморного прага.

Ее журчаньем узкий переулок
Волшебнo оживлен; и хороводы
Окрест ее ведут морские боги:

Резец собрал их. Сонные чертоги
Пустынно внемлют, как играют воды,
И сладостно во мгле их голос гулок.

IV

Окаменев под чарами журчанья
Бегущих струй за полные края,
Лежит полу-затоплена ладья;
К ней девушек с цветами шлет Кампанья.

И лестница, переступая зданья,
Широкий путь узорами двоя,
Несет в лазурь двух башен острия
И обелиск над Площадью ди-Спанья.

Люблю домов оранжевый загар
И людные меж старых стен теснины
И шорох пальм на ней в полдневный жар;

А ночью темной вздохи каватины
И под аккорды бархатных гитар
Бродячей стрекотанье маңдолины.

V

Двустворку на хвостах клубок дельфиний
 Разверстой вынес; в ней растет Тритон,
 Трубит в улитку; но не зычный тон,
 Струя лучом пронзает воздух синий.

Средь зноя плит, зовущих облак пиний,
 Как зелен мха на демоне хитон!
 С природой схож резца старинный сон
 Стихийною причудливостью линий.

Бернини, — снова наш, — твоей игрой
 Я веселюсь, от Четырех Фонтанов
 Бредя на Пинчю памятной горой,

Где в келью Гоголя входил Иванов,
 Где Пиранези огненной иглой
 Пел Рима грусть и зодчество Титанов.

VI

Через плечо слагая черепах,
 Горбатых пленниц, на мель плоской вазы,
 Где брызжут на воле водолазы,
 Забыв, неповоротливые, страх, —

Танцуют отроки на головах
 Курносых чудищ. Дивны их проказы:
 Под их пятой уроды пучеглазы
 Из круглой пасти прыщут водный прах.

Их четверо резвятся на дельфинах.
 На бронзовых то голенях, то спинах
 Лоснится дня зелено-зыбкий смех.

И в этой неге лени и приволий
 Твоих ловлю я праздничных утех,
 Твоих, Лоренцо, эхо меланхолий.

VII

Спит водоем осенний, окроплен
Багрянцем нищим царственных отреший.
Средь мхов и скал, муж со змеей, Асклепий,
Под аркою глядит на красный клен.

И синий свод, как бронзой, окаймлен
Убранством сумрачных великолепий
Листвы, на коей не коснели цепи
Мертвящих стуж, ни снежных блеск пелен.

Взирают так, с улыбкою печальной,
Блаженные на нас, как на платан
Увядший солнце. Плещет звон хрустальный:

Струя к лучу стремится зыбучий стан.
И в глади опрокинуты зеркальной
Асклепий, клен, и небо, и фонтан.

VIII

Весть мощных вод и в веяньи прохлады
Послышится, и в их растущем реве.
Иди на гул: раздвинутся громады,
Сверкнет царица водометов, Треви.

Сребром с палат посыплются каскады;
Морские кони прынут в светлом гнев;
Из скал богини выйдут, гостье рады,
И сам Нептун навстречу Влаге-Деве.

О, сколько раз, беглец невольный Рима,
С молитвой о возврате в час потребный
Я за плечо бросал в тебя монеты!

Свершались договорные обеты:
Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима.

IX

Пью медленно медвяный солнца свет,
Густеющий, как долу звон прощальный;
И светел дух печалью беспечальной,
Весь полнота, какой названья нет.

Не медом ли воскресших полных лет
Он напоен, сей кубок Дня венчальный?
Не Вечность ли свой перстень обручальный
Простерла Дню за гранью зримых мет?

Зеркальному подобна морю слава
Огнистого небесного расплава,
Где тает диск и тонет исполин.

Ослепшими перстами луч оцупал
Верх пинии, и глаз потух. Один,
На золоте круглится синий Купол.